№ 7.

B52 55

Проф. А. Кауфманъ.

Новыя мѣста и вольныя Земли.

ПЕТРОГРАДЪ.
Издательство „ЕДИНЕНІЕ".
1917.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
597091 VV

Новыя мѣста и вольныя земли.

Мужикъ — что подсолнечникъ: подсолнечникъ все къ солнцу тянется, а мужикъ къ землѣ. Тянется къ землѣ малоземельный, котораго обидѣли землей, какъ выпускали изъ крѣпостной неволи; тянется и многоземельный: и такой прикупаетъ земли, гдѣ удастся, арендуетъ, сколько сила беретъ. А станетъ кому совсѣмъ тѣсно, — тѣ бросаютъ извѣка насиженныя мѣста и идутъ искать земли за Уралъ — на сибирскій просторъ, да въ киргизскія степи. И много есть такихъ, что думаютъ: вотъ бы побольше народу уходило въ Сибирь, такъ стало бы свободнѣе и тамъ, гдѣ

мужикъ сейчасъ задыхается отъ малоземелья. Самодержавное правительство— то прежде не очень-то пускало переселяться. Думало: какъ много уѣдетъ въ Сибирь народу, кто станетъ снимать землю у помѣщиковъ, кто станетъ на помѣщиковъ работать? А потомъ нашли совсѣмъ другое: какъ зашевелились пятнадцать лѣтъ тому назадъ крестьяне, да какъ потомъ сдѣлалась революція, въ 1905 и въ 1906 году, такъ не то, чтобы препятствовать—зазывать стали въ Сибирь: идите-молъ, миленькіе, въ Сибири и земли много, и житье привольное, и пособія казенныя идутъ; это—чтобы безпокойнаго народу поубавилось вокругъ помѣщиковъ, чтобы поменьше напирало крестьянство на помѣщичьи земли.

И сейчасъ опять много будетъ разговору о новыхъ мѣстахъ, да сибирскихъ земляхъ. Получилъ народъ волю—и сейчасъ потянулся за землей, и теперь ужъ

навѣрно можно сказать: пойдутъ въ раздѣлъ крестьянамъ всѣ земли или безъ мала что всѣ, которыя годны для крестьянъ: и казенныя, и которыя были удѣльныя, и главное—помѣщичьи; какъ соберется Учредительное Собраніе, сейчасъ же придется ему насчетъ земли подумать, какъ съ ней распорядиться. Да только не хватитъ всѣмъ земли: не то что вволю, во всю крестьянскую ширь— и на то не хватитъ, чтобы всему крестьянству прокормиться со своихъ надѣловъ, да на всякій расходъ выработать. Въ другой книжкѣ («О землѣ») я про это писалъ подробно, а сейчасъ только коротко скажу: пустыхъ-то, правда, мѣстъ у насъ въ Россіи видимо-невидимо, непочатый уголъ, да годнаго изъ того числа малая часть. Главная часть лѣса, и все больше въ Архангельской, да въ Вологодской, да въ другихъ такихъ же сѣверныхъ губерніяхъ; такихъ лѣсовъ на всѣхъ бы хватило, да кре-

стьянамъ такія мѣста не надобны. А если земли, которыя годныя, хоть всѣ до-тла раздѣлить между крестьянами, такъ на каждаго, по расчисленію, достанется по самой малой части, все равно что ничего. Ежели, которыя земли годныя, да сподручныя для крестьянъ, станутъ дѣлить по справедливости, такъ, чтобы въ первую голову одѣлить малоземельныхъ, все между малоземельными и разойдется, другимъ ничего не останется. А вѣдь земля не однимъ только малоземельнымъ нужна; къ землѣ, я сказалъ, всякій мужикъ тянется. Можетъ быть и такъ, что землю станутъ дѣлить по сосѣдству, да по „старинѣ“: въ каждой губерніи, скажемъ, да въ каждомъ уѣздѣ крестьяне землю промежъ себя раздѣлятъ, да кто какую, скажемъ, издавна снималъ пахать; тутъ опять же, многимъ ничего не достанется, да какъ разъ, пожалуй, изъ самыхъ малоземельныхъ, у которыхъ подъ рукою земли не най-

дется, либо окажется мало. Вотъ и надѣются: на кого здѣсь, въ Россіи, не хватитъ земли, тѣ пойдутъ въ Сибирь. А если-молъ въ раздѣлъ пустить и въ Сибири всѣ земли, какія есть, такъ земли на всѣхъ хватитъ, всѣмъ станетъ просторно, да вольготно.

Да только зря, напрасно: кому въ Россіи, на старинѣ, земли не хватитъ, тому и на Сибирь нечего надѣяться: развѣ еще только самой малой части — такой, что и говорить не про что.

Первое дѣло — въ томъ, что въ Сибири подходящихъ земель и вовсе мало

Этому, читатель, вы пожалуй, и совсѣмъ не захотите вѣрить. Вѣдь на карту посмотрѣть—какъ широко Сибирь раскинулась! въ три раза она больше, чѣмъ Европейская Россія, а то и въ четыре раза. А людей въ Сибири въ нѣсколько разъ меньше. Такъ какъ же можетъ быть, чтобы въ Сибири земели было мало?...

А все таки это такъ: пустого мѣста въ Сибири, да въ киргизскихъ степяхъ, въ самомъ дѣлѣ, столько, что не на однихъ только русскихъ крестьянъ хватило бы, а пожалуй съ нѣмецкими, да съ французскими можно бы подѣлиться. Да какія это мѣста?

Очень разныя мѣста. Въ настоящей Сибири—одно, въ киргизскихъ, да въ туркестанскихъ степяхъ—совсѣмъ другое.

Вотъ, я и скажу сначала про настоящую Сибирь.

Если вы, читатель, посмотрите на карту, такъ увидите: по всему сѣверу Сибири—это тундры тянутся; о нихъ, конечно, нечего и разговаривать,—про тундры всякій знаетъ, что онѣ для крестьянскаго житья не годятся. Какъ кончается тундра — начинаются необятные лѣса: по сибирски называются урманы, да тайга: гдѣ горная тайга, гдѣ равнинныя мѣста, гдѣ на сотни да на тысячи верстъ болота.

Про сибирскую тайгу съ урманами грѣхъ было бы сказать, что годныхъ земель нѣтъ. Большая ли доля, или малая, — этого на отчетъ не скажешь, а только есть удобныя мѣста;—гдѣ меньше, а гдѣ больше. А которые, въ тайгѣ, да въ урманахъ, издавна поселились старожилые сибирскіе крестьяне, тѣ не худо живутъ, а то и вовсе хорошо. Да только вотъ въ чемъ дѣло. Во-первыхъ, вышли они кто изъ Вятской губерніи, кто изъ Пермской — все изъ лѣсныхъ мѣстъ, и лѣса имъ были въ привычку. А второе — селились они на самыхъ, что ни на есть, лучшихъ мѣстахъ, около заливныхъ луговъ, могли держать скотъ, и отъ скота получали сколько надо навозу. И еще третье: не съ одной пашни они жили; въ рѣкахъ было рыбы видимо не видимо, лѣса были вольные, можно было и пушного звѣря промышлять, и дичь, и орѣхъ кедровый брать, и деготь сидѣть, и лѣсъ рубить да сплавлять. А сейчасъ

первое дѣло, такихъ удобныхъ мѣстъ для земледѣлія ужъ не осталось, или мало осталось; распахивать, положимъ, можно бы и много, — да сѣнокосовъ нѣтъ; а безъ сѣнокоса неоткуда взять навоза, мѣста же въ тайгѣ такія, что безъ навоза и пахать не стоитъ. Второе дѣло— лѣса пообрубились да повыгорѣли, дичь да рыба повывелись, про пушного звѣря и слыхать не стало,—значитъ и прирабо-тать крестьянину не на чемъ. Выходитъ вродѣ того, что сливки старожилые крестьяне поснимали, а для новыхъ переселенцевъ снятое молоко осталось, да и то, пожалуй, пополамъ съ водицей. А третье, самое главное дѣло, это вотъ какое: вѣдь главное утѣсненіе гдѣ? **въ черноземныхъ** губерніяхъ, въ средней да въ южной Россіи,—и изъ этихъ мѣстъ все больше переселяются, или хотятъ переселяться. Такъ вотъ, подумайте, читатель, если вы, скажемъ, изъ Тульской губерніи, или изъ Курской, а уже если

изъ Херсонской или изъ Таврической, такъ и подавно: развѣ вы пойдете или ваши земляки, въ лѣсное мѣсто? Конечно не пойдете. Такъ вотъ, тоже самое и главная часть переселенцевъ, въ тайгу никто, или безъ мала что никто не хочетъ идти,—всѣмъ подай, чтобы мѣста были чистыя, степныя или скажемъ, съ перелѣсками. Есть и такія мѣста въ Сибири, только мало ихъ: еще поближе къ европейской Россіи—въ Тобольской губерніи, да въ Томской, такія мѣста пошире раздались, а дальше на востокъ—такъ совсѣмъ узкая полоска. И по всѣмъ этимъ мѣстамъ уже сидитъ народъ: гдѣ старожилы сибирскіе, гдѣ «расейскіе» переселенцы — кто полсотни лѣтъ тому назадъ пришелъ, кто двадцать, а кто и пять лѣтъ тому назадъ. И сейчасъ ужъ такъ густо набилось народу, что развѣ только кое-гдѣ клочокъ пустого мѣста остался; а то, куда ни посмотрѣть, вездѣ крестьянскія селенія въ самую тайгу уперлись—дальше двигаться некуда.

Въ киргизской степи мѣста совсѣмъ другія, чѣмъ въ настоящей Сибири,—а на повѣрку выходитъ тоже самое. Конечно, никакой тайги тутъ нѣтъ: мѣста чистыя, да открытыя. И иныя мѣста на славѣ у крестьянъ: Кокчетавскій уѣздъ, напримѣръ, Кустанай, или Актюбинскій уѣздъ. Да только мало хорошихъ степей—то. Какъ верстъ на триста—четыреста податься на югъ, такъ черноземныя степи кончаются, и начинаются сѣрыя, вродѣ пустынь. Земля гдѣ и вовсе негодная пахать,—а гдѣ земля была бы и годная, да другая бѣда: дождей нѣтъ, либо мало, хлѣбъ расти не можетъ; съ поливомъ и такія земли хорошо родятъ, да для полива воды взять негдѣ,—да и не то что для полива, и для питья воды нѣтъ. И такія негодныя мѣста — на тысячи верстъ прошли. Только совсѣмъ на югѣ, къ горамъ, другое: тамъ изъ большихъ рѣкъ, да изъ горныхъ рѣчекъ, воду вывели, да еще порядочно можно вывести

канавами; а климатъ тамъ жаркій,—такъ на поливной землѣ все, что угодно родится: не то что хлѣбъ, а хлопокъ, виноградъ и все такое; тамъ одна десятина столько можетъ дать доходу, сколько въ другихъ мѣстахъ съ пяти десятинъ не получить. Вотъ и выходитъ опять неладно: удобная полоса, пошире, на сѣверѣ, да сильно удобная полоса, поужс, на югѣ. А по срединѣ необъятныя пустыни. Крестьяне и шли все: либо въ сѣверную полосу—тамъ и Кокчетанъ, и Кустанай, и всѣ другія мѣста, которыя у крестьянъ въ славѣ; либо, меньшая часть въ южную: прежде все больше въ Семирѣчье, а послѣдніе года стали и въ настоящій Туркестанъ переселяться. И вотъ, тутъ-то и бѣда: на сѣверѣ, по удобнымъ мѣстамъ, издавна расположились киргизскія зимовки, гдѣ киргизы пашутъ и сѣно ставятъ,—и сколько было промежъ киргизскихъ зимовокъ свободныхъ мѣстъ, годныхъ для кресть-

янъ,—тѣ ужъ всѣ позанимали переселенцы. На югѣ, въ Семирѣчьѣ и въ Туркестанѣ,—опять-же свой народъ: сарты, таджики, туркмены, осѣдлые киргизы. Гдѣ проведены канавы, и землю поливаютъ, тамъ народъ сидитъ много гуще, чѣмъ у насъ въ Россіи, и земли у нихъ много меньше. Кой-какія свободныя земли есть только по закраинамъ — тутъ и садятся переселенцы: либо отъ туземцевъ имъ отрѣзаютъ поливныя земли, либо новыя канавы проводятъ на счетъ казны; а только такихъ закрайниковъ и вовсе мало.

Вотъ и выходитъ на повѣрку, и въ настоящей Сибири, и въ киргизскомъ краѣ, все равно: пустыхъ земель, не занятыхъ, сколько угодно; да только эти земли либо вовсе негодныя, либо для переселенцевъ не подходящія; много ли ихъ, мало ли ихъ было-бы—все одинъ толкъ. А гдѣ мѣста для переселенцевъ годныя, тамъ народу и безъ того пріумножилось: гдѣ

сибирскіе старожилы, гдѣ нерусскія племена — киргизы тамъ, буряты, сарты и всякіе другіе въ перемѣшку съ старыми да съ недавними переселенцами. Такъ пріумножилось народу, что и самодержавному правительству, и тому ужъ не въ моготу было больше впихивать новыхъ переселенцевъ. А на что ужъ самодержавное правительство объ этомъ старалось: я сказалъ вѣдь — послѣ революціи крестьянъ всячески зазывали въ Сибирь, чтобы подальше отъѣсти ихъ отъ помѣщичьихъ земель. Ужъ какъ старались, чтобы земель побольше найти, да побольше нарѣзать для переселенцевъ. И самодержавное правительство — оно вѣдь ни на что не смотрѣло: нужно ему было доставать земель для переселенцевъ — оно и киргизъ сгоняло съ зимовокъ, отнимало у нихъ всѣ самыя лучшія мѣста, — халатники — молъ, нечего на нихъ смотрѣть; и на сибирскихъ крестьянъ не очень-то смотрѣло — и у

нихъ немало хорошихъ земель поотнимали, пахотныхъ и сѣнокосныхъ; совсѣмъ кругомъ обрѣзали. И все таки послѣдніе годы ужъ совсѣмъ неоткуда земель было брать подъ участки для переселенцевъ; совсѣмъ нарѣзка уменьшилась, въ три и въ четыре раза противъ первыхъ годовъ послѣ революціи 1905—1906 года, когда самодержавное правительство ретиво принялось за это дѣло.

А ужъ теперь—не приходится и говорить. Теперь вѣдь у насъ не самодержавное правительство, которое ни на что не смотрѣло. Теперь уже нельзя—извините на словѣ—плевать на «халатниковъ» и нажимать на сибирскихъ крестьянъ, потому что теперь всѣ одинаково граждане, каждый теперь будетъ стоять за свои права, и мѣстныя сибирскія земства и киргизскіе земельные комитеты конечно уже не дадутъ отводить подъ переселенцевъ такихъ земель, которыя нужны си-

бирскимъ крестьянамъ, и ужъ и подавно не дадутъ отрѣзывать у киргизъ самонужнѣйшихъ пашенъ и сѣнокосовъ или сгонять ихъ съ насиженныхъ мѣстъ. А если такъ, то и получится: въ ту полосу Сибири и въ ту полосу киргизскаго края, гдѣ до сихъ поръ водворялись переселенцы, теперь не попадетъ, пожалуй, ужъ ни одного переселенца, а если попадетъ, то развѣ самая малость. А какія мѣста въ самомъ дѣлѣ пустыя—тѣ переселенцамъ не нужны.

А теперь другое дѣло. Я скажу, что русскому крестьянству нечего особенно жалѣть, если въ Сибирь да въ киргизскія степи некуда будетъ переселяться. Не ахти какая благодать это переселеніе...

Въ самомъ дѣлѣ, вы только сообразите, читатель, какая выходитъ вещь. Идутъ переселенцы въ Сибирь, или тамъ на Амуръ, или въ Киргизскую степь; отводятъ имъ на душу по пятнадцать

Государств. Публичная Историческая Библиотека

десятинъ удобной земли,—значитъ на дворъ или на семью, кругомъ, выходитъ десятинъ по пятьдесятъ: земля—не вездѣ, положимъ, а всетаки во многихъ мѣстахъ, хорошая, черноземная. Чего, казалось-бы лучше, чѣмъ-бы не житье. А глядишь—черезъ немного лѣтъ переселенцамъ уже «тѣсно»: арендуютъ землю вездѣ, гдѣ только можно кругомъ—у казны или такъ у киргизъ; подаютъ прошенія насчетъ прирѣзокъ, посылаютъ ходоковъ, кто къ переселенному, кто къ губернатору, кто въ Петербургъ,—земли-молъ мало, земля слабая, легкая, выпашки сѣнокосовъ мало и все такое. Посмотрѣть со стороны—только-бы жить да поживать. А на повѣрку выходитъ—голодовки не лучше, чѣмъ бывали на старинѣ. Голодали и переселенцы, и сибирскіе крестьяне, въ степныхъ мѣстностяхъ—какъ разъ въ тѣхъ самыхъ, куда больше всего напираютъ переселенцы; голодали въ семидесятыхъ

годахъ, и въ восьмисятыхъ годахъ, и пуще того въ 1891—1892 году, и потомъ еще сколько разъ. По каждому милостивому манифесту большіе милліоны продовольственныхъ ссудъ списываютъ; опять же все равно, какъ на «старинѣ»: и столовыя для голодающихъ приходится устраивать, и съ кошелемъ большія тысячи народу разбредаются, побираться. А вотъ и еще чуднѣе: взять, положимъ, Тобольскую или тамъ Томскую губернію. И сейчасъ въ эти губерніи идутъ переселенцы,—шли-бы и много больше, кабы было откуда для нихъ нарѣзать землю. А изъ тѣхъ же губерній уже тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ народъ уходилъ на другія новыя мѣста—уходили и изъ старожиловъ, и изъ недавнихъ переселенцевъ: искать, гдѣ попросторнѣе, гдѣ земля покрѣпче. Большія тысячи поуходили и изъ Тобольской губерніи, и изъ Томской, и изъ поселковъ, которые въ Киргизской степи. Совсѣмъ

выходитъ чудно: одни приходятъ, разсчитываютъ, что имъ будетъ просторно, а другіе уходятъ изъ тѣхъ же мѣстъ, потому что имъ тѣсно.

Отчего же это такъ? Отчего крестьянину тѣсно и на просторѣ Сибири, или Киргизскихъ степей? Да все отъ той же причины, отъ которой крестьянамъ тѣсно у себя дома, «на старинѣ». Я про это тоже подробно писалъ въ книжкѣ «О землѣ», а теперь скажу только коротко: вѣдь и «на старинѣ» только небольшая часть такихъ, у кого, въ самомъ дѣлѣ, мало земли,—такъ мало, что дѣваться некуда. У большой части крестьянъ земли столько, что если-бы дать столько французскому, или нѣмецкому, или, положимъ, бельгійскому крестьянину, онъ бы себѣ жилъ да поживалъ, да радовался-бы. А нашему крестьянину отчего тѣсно? Да оттого, что земля мало даетъ: сколько-бы ни было земли, а если земля даетъ 40, 30, а то и 23 пуда, конечно,

не съ чего будетъ жить, конечно будетъ «тѣсно». А отчего земля такъ мало даетъ? Не отъ Бога, а отъ людей: отъ плохого хозяйства; оттого, что наши крестьяне хозяйствуютъ все такъ же, какъ хозяйствовали дѣды и прадѣды. Такъ, дѣдамъ и прадѣдамъ можно было такъ хозяйствовать, потому что просторно было, земли были свѣжія; а теперь уже нельзя—тѣсно стало, земли выпахались, а народу пріумножилось. Вотъ отъ этого и малоземелье,—вотъ изъ-за этого и уходятъ крестьяне искать простору на новыя мѣста.

А на новыхъ мѣстахъ опять все то же. Дорвутся крестьяне до новыхъ земель—такъ и то забудутъ, что знали на старинѣ; не то что удобрять навозомъ землю,—паровъ, и то не пашутъ: сѣютъ себѣ хлѣбъ по хлѣбу, по одной перепашкѣ, а то и просто «на лѣнивку». Да и перемѣны хлѣбу не дѣлаютъ: пшеничка—она всетаки повыгоднѣе, вотъ и

норовятъ сѣять, все больше, одной пшенички. А какой отъ такого хозяйства толкъ? Понятное дѣло: пока земля свѣжа—пшеничка хорошо родится, а выпашется—не родится ничего, или самый пустякъ. Приходится смѣнять землю; пораспашутъ все, что получше на своемъ участкѣ—принимаются арендовать, гдѣ случится; этакимъ же манеромъ кругомъ всю землю перепортятъ, и выходитъ хуже, чѣмъ было на старинѣ: земля больше хлѣба не родитъ, а заработать тоже негдѣ: помѣщиковъ кругомъ нѣтъ, заводовъ или фабрикъ тоже нѣтъ. Хоть въ кулакъ свищи. Вотъ и выходитъ: земли—глядѣть не оберешься, на дѣтей да на внуковъ хватитъ; а переселенцамъ тѣсно—голодаютъ, хлопочутъ о прирѣзкахъ да объ обмѣнахъ, а которые опять переселяются: еще новыя мѣста портятъ...

И, прямо сказать, стыдно смотрѣть—стыдно за русскаго крестьянина! Возь-

мемъ хоть-бы Туркестанъ. Земли тамъ—я уже сказалъ—поливныя; климатъ жаркій, благодатный; если поливать, да какъ слѣдуетъ ухаживать за землей, земля родитъ хлопокъ, рисъ, виноградъ, самые цѣнные фрукты и все подобное; хлѣбъ даетъ два урожая въ году, трава-люцерна по два-три укоса,—да еще какихъ. Вотъ, туземецъ-сартъ или осѣдлый киргизъ, на четырехъ-пяти десятинахъ поливной земли живетъ себѣ да поживаетъ. А переселенцамъ отводятъ по 20—30 десятинъ земли; слава Богу, если сами кой какъ пріучаются поливать, а все больше норовятъ какъ-бы къ этому дѣлу какого-нибудь «халатника» пристроить; за землей, по тамошнему, тоже не ходятъ,—это—молъ крестьянину несподручно, а пашутъ себѣ „по россійски», а сѣютъ, опять же по россійски, безъ мала—что одну пшеничку. Глядишь—черезъ десять-пятнадцать лѣтъ земля повыпахалась,—и опять «тѣсно»,

опять подаютъ прошенія насчетъ прирѣзокъ, а многіе которые уходятъ—искать, гдѣ просторнѣе. Или возьмемъ еще примѣръ: на Дальнемъ Востокѣ, въ Уссурійскомъ краѣ. Тамъ, климатъ совсѣмъ особенный: зима холодная да малоснѣжная, лѣто теплое, да сильно дождливое, а главные дожди какъ разъ въ то время, какъ поспѣвать хлѣбу, да въ жнитво. Вотъ, въ тѣхъ мѣстахъ, еще до русскихъ, были корейскія деревни, были и китайскіе хутора—«фанзы». Китайцы и корейцы сильно хорошо приспособились къ тамошнему климату: землю раздѣлывали грядками, да такъ, что и вода не застаивалась, и вѣтромъ обсушивало; сѣяли больше разные бобы, да просо—мелкое на пищу, крупное для скота: и жили себѣ припѣваючи, кто на двухъ, кто на трехъ десятинахъ. И насчетъ земли не привередничали; и косогоры пахали, и глинистую землю. Корейцы—тѣ и сейчасъ сидятъ по своимъ

деревнямъ. Китайцевъ посгоняли и земли ихнія отдали крестьянамъ. Крестьяне—перво-наперво, подай имъ самую лучшую, чистую землю: то «горы», то «глина»—корейцы ихъ пахали, а переселенцы отказываются. Получили самыя лучшія земли, и опять-же давай хозяйствовать по россійски: пашутъ широкими загонами, сѣютъ все свою пшеницу. Толку и не выходитъ: поля заростаютъ соромъ, заводится „пьяный хлѣбъ". Иные крестьяне ужъ забросали свои мѣста, а многіе (особенно казаки) все больше наровятъ свою землю отдать испольу корейцамъ—онъ молъ къ здѣшнимъ мѣстамъ привычнѣе; выходитъ—крестьяне становятся вродѣ помѣщиковъ, только оброкъ собираютъ со своихъ испольщиковъ; тоже, какъ будто-бы, не подходящее дѣло...

Вотъ и выходитъ: ужъ чего бы лучше—если поглядѣть со стороны. Земли переселенцамъ даютъ вволю, да стараются

отвести получше. Помѣщики не притѣсняютъ—переселенцы больше сами нажимаютъ на всякую „орду“ да на „тварь“, какъ они называютъ (и совсѣмъ зря!) киргизъ или тамъ корейцевъ. Насчетъ податей тоже ужъ никакъ пожаловаться нельзя: подати съ переселенцевъ самыя малыя, да и тѣхъ—они все больше не платятъ, благо переселенцевъ начальство жалѣетъ, насчетъ податей не притѣсняетъ, Поглядѣть—чего же лучше... А выходитъ—и тутъ не славно: „на старинѣ“ было тѣсно, и на новыхъ мѣстахъ тѣсно; на старинѣ пяти, или тамъ десяти десятинъ мало было—на новыхъ мѣстахъ сорока да пятидесяти десятинъ не хватаетъ; на старинѣ на душевомъ надѣлѣ въ 3, въ 4 десятины „малоземелье“—и на новыхъ мѣстахъ „малоземелье“, на пятнадцати десятинахъ на душу. И все отъ той же причины: отъ плохого хозяйства. Плохое хозяйство погнало переселенца съ родины, плохое хозяйство не даетъ ему

окрѣпнуть и на новомъ мѣстѣ. Пусть посчастливится попасть ему на самое, что ни на есть хорошее мѣсто,—все равно: пройдетъ пятнадцать, двадцать или тридцать лѣтъ такого хозяйства, земля повыпашется да повытравится, и такъ же худо станетъ переселенцу жить, какъ было „на старинѣ"—на родинѣ. И, выходитъ, значитъ, что настоящей пользы крестьянину отъ переселенія нѣтъ,—все равно, и на новомъ мѣстѣ, не сейчасъ, такъ чрезъ немного лѣтъ, будетъ тѣснота, будетъ малоземелье. А **настоящая** польза можетъ быть только отъ одного: **отъ хорошаго хозяйства**. Надо научиться вести хозяйство такъ, чтобы земля не выпахивалась, а становилась лучше, чтобы урожаи не падали, а становились больше, чтобы земля давала два да три колоса, гдѣ она сейчасъ даетъ одинъ, чтобы десятина давала въ четверо и въ шестеро дохода, чѣмъ она сейчасъ даетъ при старомъ, „дѣдовскомъ" хозяйствѣ. Тогда

крестьянинъ на пяти или на восьми десятинахъ будетъ жить лучше, чѣмъ онъ сейчасъ можетъ жить на двадцати или на тридцати десятинахъ, и тогда у громадной части нашихъ крестьянъ не будетъ никакого малоземелья.

Подробнѣе я и про это писалъ въ книжкѣ „О землѣ“, а потому теперь только коротко скажу: не переселеніе, и не прирѣзки помогутъ крестьянину,— поможетъ ему хорошее хозяйство. Но для того, чтобы крестьяне научились хорошему хозяйству,—такому примѣрно, какъ сейчасъ хозяйствуютъ, скажемъ, французскіе или нѣмецкіе крестьяне, для этого нужна, прежде всего, наука и „показъ“: это—**дѣло агрономовъ**, а крестьяне доджны понять, что имъ **надо учиться** у агрономовъ. А потомъ нужно еще чтобы крестьянину было гдѣ достать все, что нужно для хорошаго хозяйства: искусственныя удобренія, улучшенныя сѣмена, орудія и **все такое, и чтобы ему было на что все**

это купить. Въ этомъ ему должна помочь **кооперація**. Прирѣзками, а тѣмъ паче переселеніемъ въ Сибирь, или тамъ куда еще, крестьянинъ не получитъ для себя и малой доли той пользы, какая будетъ ему, если агрономы его выучатъ, а кооперація поможетъ завести хорошее хозяйство; если крестьянинъ научится получать два и три колоса тамъ, гдѣ сейчасъ растетъ одинъ—да и тотъ плохой.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Вышли изъ печати

и поступили

въ ПРОДАЖУ:

№ 1. В. В. Водовозовъ.—Царь или Республика 2-ое изданіе . . . . . 15 к.

№ 2. Его-же. Что такое Учредительное Собраніе? 15 к.

№ 3. Его-же. Кто будетъ выбирать въ Учредительное Собраніе? . . . . . 15 к.

№ 4. Его-же. Армія и Учредительное Собраніе 15 к.

№ 5. Конст. Пономаревъ.—Крестьяне и Земля 15 к.

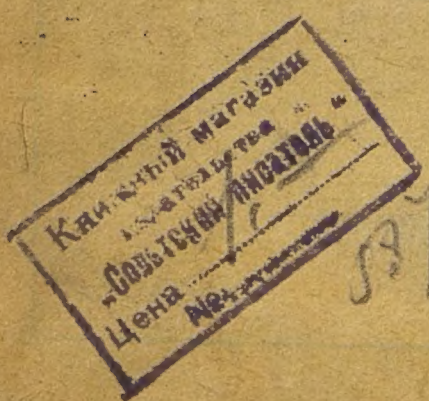
№ 6. Проф. А. Кауфманъ—О Землѣ . . . 25 к.

№ 7. Его-же. Новыя мѣста и вольныя земли . 25 к.

Издательство «ЕДИНЕНІЕ».
ПЕТРОГРАДЪ,
Фонарный пер. № 9.
Тел. 5-16-11.

Готовится къ печати рядъ брошюръ тѣхъ же и другихъ авторовъ, посвященныхъ вопросамъ момента.

Общественнымъ организаціямъ значительная скидка.



Цѣна 25 коп.